

22. Pervushin A. Okkul'tnye vojny NKVD i SS / Anton Ivanovich Pervushin. – М.: Jeksmo; М.: Jauza, 2003. – 389 s.

23. Filososfij jenciklopedicheskij slovar'. – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983. – 840 s.

Naydonov A. G., associate Professor, doctoral candidate of the internationalization Department of higher education, Higher Education Institute of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), alexander.naydonov@yahoo.com.ua

Knowledge in the information society

The purpose of this research are the analysis and the demarcation of ordinary and practical, scientific, quasiscientific, philosophical, esoteric and occult types of knowledge. Information civilization, being a new round of development of humanity, requires new levels and types of knowledge for its successful development, and therefore substantiates the need to attract to the intellectual and philosophical appeal of an increasing number of knowledge about the person.

It proved the theoretical inconsistency identification esoteric and occult knowledge. Man is the main object of the unification of esoteric knowledge, which is aimed at moral and intellectual improvement. Occult knowledge is inherently anti-religious, and should be banned.

Keywords: knowledge, information society, science, philosophy, spirituality, occultism.

Найденев А. Г., кандидат философских наук, доцент, докторант отдела интернационализации высшего образования, Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины (Украина, Киев), alexander.naydonov@yahoo.com.ua

Знання в умовах інформаційного общества

Проведен аналіз і демаркації обыденно-практичного, наукового, квазінаукового, філософського, езотеричного та окультистичного типів знань. Інформаційна цивілізація, будучи новим витком розвитку людства, для свого успішного розвитку потребує нових рівнів і типів знань, тому обґрунтовується необхідність привертання до наукової та філософської розробки як можна більшого кількості знань про людину.

Доказана теоретична несостійливість отождествлення езотеричних та окультистичних знань. Людина є основним об'єктом езотеричного знання, котре направлено на його моральне та інтелектуальне удосконалення. Окультистичні знання по своїй суті антидуховні та повинні бути заборонені.

Ключевые слова: знання, інформаційне общество, наука, філософія, езотерика, окультизм.

* * *

УДК (111.125+165.42):(340.134+340.132.6)

Палий О. Н.,
кандидат юридических наук, доцент, Національний
університет «Одеська юридическа академія»
(Україна, Одеса), ksushapaliy@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Поскольку любая наука применяет философские категории в качестве моментов своей содержательной логики, постольку применение категорий возможности и действительности играет большую роль в осознании правовых проблем. В статье осуществлено исследование различных аспектов соотношения возможности и действительности для усовершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности. Использован диалектический метод, поскольку он применим к осмыслению единства онтологического, гносеологического и прагматологического аспектов освоения мира правовых отношений; единства исторического и логического, осуществимости и осуществленности, субъективного и объективного в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: действительность, возможность, правовая возможность, правовая действительность, диспозиционность, действительный человек.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Актуальность темы обусловлена непреходящей актуальностью двух проблем, стоящих перед человечеством и постоянно решаемых им. Одна из них – философская и касается современного понимания категорий возможности и действительности, а другая –

юридическая, связанная с теоретическим и практическим осмыслением права.

Первая проблема широко обсуждается современными философами (Ж. Бодрийяр, С. Б. Крымский, С. С. Гусев), которые обращают внимание на то, что на поведение современного человека оказывают влияние не только жизненные обстоятельства и социальные нормы, но и тот внутренний мир человека, в котором присутствуют его идеалы, мечты, планы, его представления о возможном будущем. Таким образом, наблюдается все более возрастающее внимание к категории возможности. Вторая проблема не менее актуальна и обсуждается не только юристами, но и всем обществом: эта проблема постоянно побуждает к поискам ответов на целый ряд вопросов. Например, почему возможности, которые наиболее близки к осуществлению, не воплощаются в действительность? Почему так низка результативность отдельных действующих норм? И очень интересный вопрос: почему некоторые нормы активизируют такие возможности, которые не были предусмотрены законодателем?

Тема данной работы предполагает синтез этих двух актуальных проблем, поскольку целью исследования является анализ значимости различных аспектов соотношения возможности и действительности для усовершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности.

На основании изучения формирования и развития категорий возможности и действительности в истории философии и в философии права установлено, что наиболее изученные аспекты понимания категорий возможности и действительности в философии и в философии права связаны преимущественно с онтологией и гносеологией, а наименее изученными оказались те аспекты, которые относятся к прагматологии. А между тем именно вопросы практической деятельности человека требуют глубокого анализа, опирающегося на единство этих трех уровней (подсистем) современной философии.

В современной философской литературе, исходящей из гегелевской традиции, признаётся двоякое определение действительности – в абстрактном и в конкретном смысле. Действительность в абстрактном смысле, – это объективная реальность, мир в целом, который включает в себя и необходимое, и случайное. Действительность в конкретном смысле – это разумно осуществленная, разумно организованная возможность. Под словом «разумно» в данном случае подразумевается – эффективно, в совершенстве, в полном согласии с сущностью осуществляемого.

Различие данных определений не означает того, что мир состоит из нескольких не связанных между собой действительностей. Это различие говорит лишь о том, что в каждый данный момент времени объективная действительность в виде своих бесчисленных модусов имеет разные формы и уровни проявленности и осуществленности. Одни предметы действительности полностью «входят», «вписываются» в нее, а другие на определенном отрезке времени принадлежат ей лишь формально. Это объясняется тем, что не только при зарождении, но и в ходе своего развития тот или иной предмет, хотя он уже и обладает актуально наличным существованием, обладает тем не менее, возможностью дальнейшего совершенствования. Действительным он становится тогда, когда по образу жизнедеятельности, функционирования оказывается не

просто причастним к своему роду, но достигает подлинного единства с ним [1, с. 304].

Можно видеть, что два указанных понимания действительности не являются взаимоисключающими, поскольку они представляют собой моменты одного и того же процесса развития.

В свою очередь, только что появившаяся возможность не становится действительностью сразу в ее развитом состоянии. Каждая возможность проходит определенные стадии своего развития. Вначале любая возможность, как правило, локализована в определенные стадии развития, не содержит необходимых предпосылок для полной реализации, является лишь началом общей тенденции, которая может получить развитие, а может и прерваться. Следующая стадия – это стадия осуществимости, но не осуществленности, так как возможность в силу различных причин пока еще не находит своей реализации. И лишь на следующем этапе, когда все условия имеются налицо, когда явление тождественно своему роду, возможность становится действительностью в ее развитом состоянии, тогда только она по-настоящему становится сформировавшейся, полноценной. Иными словами, возможностям присуща различная степень осуществимости, которая, в свою очередь, может то увеличиваться, то уменьшаться, что ведет к укреплению, созреванию либо же, наоборот, исчезновению этих возможностей. Соответственно, выделяются возможности абстрактные и конкретные. Абстрактные – это возможности, которые далеки от своего осуществления, так как не имеют для этого необходимых условий. Конкретные – это возможности, которые имеют объективные условия для успешного претворения в действительность.

Понимание правовой возможности и правовой действительности основывается на анализе категорий возможности и действительности как философских категорий, поскольку любая наука применяет философские категории в качестве своей держательной логики.

Так как процесс формирования, развития и функционирования права является многоступенчатым – каждый новый этап является своего рода переходом возможности в действительность. Авторы работы «О соотношении действительности и возможности в праве» выделяют в правовом бытии сферы правотворчества и правореализации, которые, в свою очередь, являются также и самостоятельными этапами в развитии права. На каждом из этих этапов возможность и действительность получают свое конкретное, специфическое выражение и соотношение. Деятельностью правоустановителя правообразующая возможность превращается в позитивно-правовую действительность. Деятельностью субъектов права правореализационная возможность превращается в социально-правовую действительность, характеризующуюся осуществлением правовых целей и интересов [2, с. 185].

Правовые возможности – это возможности, которые потенциально содержатся в праве. Часто норму права отождествляют с одной, четко фиксированной в ней правовой возможностью. Однако данная позиция отражает лишь некоторые самые простые ситуации. Дело в том, что правовая норма, как правило, задает, обуславливает собой целый спектр заложенных в ней возможностей, которые, в свою очередь, могут реализоваться, а могут

так и остаться возможностями. Важно, чтобы правовая норма правильно выражала то содержание, которое в ней заложено, и тем самым четко очерчивала, ограничивала вариативность своего понимания и применения. Такая вариативность неизбежна, поскольку ситуации, к которым норма применяется, весьма разнообразны.

Под «внешней правовой действительностью» понимается такая действительность, которая вмещает в себя различные виды правовых возможностей в зависимости от степени их осуществимости: это еще и возможности, которые находятся на начальной стадии своего развития; это и – иллюзорные возможности, но это и возможности действительные, осуществившиеся, достигшие своего полного созревания.

При этом следует обратить внимание на качественный критерий осуществимости правовых возможностей. Поскольку существует разграничение между сущностью права и тем, как эти объективные положения находят свое воплощение в бытии, то при познании права необходимо обращать внимание на идеальное как руководящую цель и реальную осуществимость возможного [3, с. 191]. При этом важно подчеркнуть, что возможность может стать развитой действительностью только в том случае, если положительное право окажется внешним выразителем права естественного.

В свою очередь, правоприменительная деятельность, являясь завершающим этапом превращения возможности в действительность – не заканчивается принятием решения; завершающей стадией данной деятельности является осуществление принятого решения. Правоприменение следует рассматривать как единый органичный процесс, начинающийся с момента, когда возникла необходимость применить право, и заканчивающийся достижением той цели, ради которой этот процесс был начат. Поскольку же целью и результатом правоприменения должна быть урегулированность общественных отношений, то пока не будет достигнута данная цель, – нет оснований говорить о законности процесса правоприменения, и, тем самым, об осуществлении правовых возможностей последнего. Только после восстановления нарушенного права, после достижения (в доступной мере) гармонизации правовых отношений – норму права можно считать примененной, а процесс правоприменения – завершенным. Таким образом, норма права является действительной только при условии, если ее понимание и ее применение соответствуют идее правовой нормы, а также – релевантны конкретной ситуации, конкретным условиям, конкретным субъектам правовых отношений.

Поэтому не следует при правотворчестве, не соответствующем естественному праву, а также – при тех или иных искажениях правоприменения говорить о том, что мы имеем дело с превращением возможности в действительность.

Один из важных аспектов исследования возможностей, заложенных в правовой норме, может быть конкретизирован с помощью понятия диспозиционности, интерпретированного как современная экспликация понятий «реальная возможность» и «виртуальная действительность». Диспозиционность (диспозиционное свойство, диспозиционное отношение) в данном случае понимается как осуществимость реальной возможности, которая а) соответствует сущности, началу, цели, корням процесса и в этом плане является естественной,

ожидаемой в «поведении», в проявлении сути в наблюдаемых ситуациях; б) является скрытым для внешнего наблюдателя, потенциальным свойством или отношением, которые обязательно обнаруживаются в определенных условиях (в этом смысле осуществимость возможности перетекает в осуществленность).

При этом надо иметь в виду, что каждая норма права диспозиционна в целом, а не частично, так как она всегда задает диапазон вариантов поведения субъектов права. Она диспозиционна также и в том смысле, что содержит в себе следующие способы ограничения возможностей: конструктивный, если норма указывает на возможные способы действия, деструктивный, если норма запрещает определенное действие, и комбинированный, если в нем совмещаются «отсечение» каких-то возможностей и «предложение» других возможностей. Кроме этого, способы регулирования процесса выбора возможностей разделяются по степени жесткости. В данном случае следует опираться на широкое понимание диспозиционности в современной философии науки. Исходные корни смысла терминов «диспозиция», «диспозиционность» связаны в философии науки с понятиями «естественная тенденция», «наклонность», «предрасположенность», «предусмотренное естественное поведение» и т.п., что позволяет увидеть связь диспозиционности с той или иной неявно присутствующей в изучаемом предмете возможностью. При этом речь идет не о какой-то абстрактной возможности, а о возможности конкретной, вполне реальной, обусловленной природой данного объекта или события. Такая возможность является, можно сказать, естественной, а ее реализация – обоснованно ожидаемой. Но вот превратится ли такая возможность в действительность – это все же зависит от наступления требуемой для этой ситуации, от наличия соответствующих условий. Диспозиционностью обладает не только норма, но и поведение субъектов нормы (адресатов) и субъектов правоприменения. В этом состоит специфика сферы права по сравнению с предметной областью естествознания. Диспозитивность поведения человека, в том числе субъекта права, определяется взаимодействием его личных качеств, в том числе, уровня профессиональных знаний, мировоззрения, личностных характеристик с теми условиями, в которых протекает его деятельность. Наилучшие профессиональные способности и качества могут не реализоваться, если условия его деятельности таковы, что не позволяют им осуществиться, или создают препятствия, мешающие их осуществлению в полной мере. Вместе с тем, отсутствие необходимых качеств у субъектов, может стать препятствием для успешного функционирования норм права. Для оценки субъекта права вполне применимы такие качественные определители как «сила», «действенность» характера, как способность совершить поступок, целостность личности.

Говоря о действительности правовой нормы и действительности правовой системы в целом, нельзя не отметить, что это – проблема, прежде всего человеческая и социально-практическая. Она в той или иной мере встает перед каждым индивидом и требует соотношения реального человеческого бытия с идеалом человека и его мира. Это обстоятельство побуждает к применению гегелевского понятия «действительный человек».

Данная философская категория подходит как для самооценки человека любой профессии, так и для

оценки его со стороны профессионального сообщества, а главное, – со стороны общества. Соответственно, понятие «действительный субъект права» может быть использовано при рассмотрении проблемы превращения правовой возможности в развитую правовую действительность, поскольку значительную, а может быть и решающую роль в превращении возможности в действительность играет именно действующий субъект.

Действительностью субъекта права называется мера осуществленности его сущности, в данном случае – это мера соответствия его той функции и тем полномочиям, которыми наделили его государство и (опосредованно) общество. При этом главное проявление «действительности» субъекта права – это его профессиональные действия, их результат.

Субъектом права не может выступать «частичный» человек, в котором человеческое и профессиональное качество не реализовано в достаточной мере. Профессионализм субъекта права предполагает нравственную, интеллектуальную и общекультурную развитость, небезразличие в сфере всей полноты человеческих отношений. Поскольку данным субъектам отведено решение многих вопросов на его усмотрение – он должен «увидеть» подлинную сущность того или иного отношения и принимать решение на основе справедливости. Только подлинный человек и подлинный профессионал способен содействовать тому, чтобы правовые возможности могли превратиться в развитую правовую действительность.

Итак, право имеет объективное содержание, которое необходимо распознать, правильно истолковать и применить правовые предписания таким образом, чтобы право действовало сообразно своей природе, вытекающей из сущности человека. Философские категории являются теми ступеньками, при помощи которых человек восходит к конкретному познанию объективной действительности; действует сообразно природе вещей окружающей нас действительности. Научные понятия, в свою очередь, всецело пропитаны философскими категориями как всеобщее в особенном. «Увидеть» подлинную сущность права может лишь человек, достигший в своем развитии достаточно высокого уровня сознания вообще и правосознания в частности, что является предметом особого рассмотрения.

Список использованных источников

1. Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности; под ред. Ж. М. Абдильдина. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 544 с.
2. Баранов В. М. О соотношении действительности и возможности в праве / В. М. Баранов, В. Б. Першин, И. В. Першина // Міжнародний часопис. – Чернівці: Рута, 2004. – С. 181–186.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин; Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.

References

1. Dialekticheskaja logika: Kategorii sfery sushhnosti i celostnosti; pod red. Zh. M. Abdil'dina. – Alma-Ata: Nauka, 1987. – 544 s.
2. Baranov V. M. O sootnoshenii dejstvitel'nosti i vozmozhnosti v prave / V. M. Baranov, V. B. Pershin, I. V. Pershina // Mizhnarodnyj chasopys. – Chernivci: Ruta, 2004. – S. 181–186.
3. Il'in I. A. Sbranie sochinenij: v 10 t. / I. A. Il'in; Sost. i komment. Ju. T. Lisicy. – M.: Russkaja kniga, 1994. – T. 4. – 624 s.

Paliy O. M., PhD, Associate Professor, National University «Odessa legal academy» (Ukraine, Odessa), kshushapaliy@mail.ru

Possibility and reality in law-making and application of law

So far as any science applies philosophical categories in the capacity of factors its sapid logic, so far the application of possibility and reality categories plays a

big role in awareness of legal problems. The article is devoted to the research of different sides of correlation possibility and reality for improvement the law-making and law-enforcement performance. Dialectical method is used, as it is adaptable to comprehension of unity the ontological, epistemological, praxeological aspects of familiarization with the world of legal relationship; unity of historical and logical; feasibility and implementation, subjective and objective in the law-making and law-enforcement performance.

Keywords: reality, possibility, law reality, law possibility, disposition, active individual.

Палій О. М., кандидат юридичних наук, доцент,
Національний університет «Одеська юридична академія»
(Україна, Одеса), ksushapaliy@mail.ru

Можливість та дійсність в правотворчості та правозастосуванні

Оскільки будь-яка наука застосовує філософські категорії в якості моментів своєї змістовної логіки, то застосування категорій можливості і дійсності відіграє велику роль в усвідомленні правових проблем. У статті здійснено дослідження різних аспектів співвідношення можливості та дійсності для вдосконалення правотворчої та правозастосовної діяльності. Використаний діалектичний метод, оскільки він застосовується для осмислення єдності онтологічного, гносеологічного і праксеологічного аспектів освоєння світу правових відносин; єдності історичного і логічного, здійсненності та здійсненості, суб'єктивного та об'єктивного в правотворчій та правозастосовній діяльності.

Ключові слова: дійсність, можливість, правова можливість, правова дійсність, диспозиційність, дійсна людина.

* * *

УДК 321.8.573

Чешко В. Ф.,
доктор філософських наук, професор,
професор кафедри філософії та політології,
Харківський національний економічний університет
ім. Семена Кузнеця (Україна, Харків),
Cheshko@karazin.ua

Кузь О. М.,
доктор філософських наук, професор,
завідувач кафедри філософії та політології,
Харківський національний економічний університет
ім. Семена Кузнеця (Україна, Харків),
kuzboss@yandex.ua

БІОВЛАДА І БІОПІЛІТИКА: АНТРОПОЛОГІЧНИЙ ТА СОЦІОПОЛІТИЧНИЙ ВИМІР ТЕХНОГУМАНІТАРНОГО БАЛАНСУ

Основною метою цієї статті є дослідження взаємної доповнюваності антропологічної і онтологічної дисциплінарних матриць, коли соціобіологічний і соціополітичний аспекти людського існування стали предметом технорационалістичного контролю та маніпуляції. Основним методом дослідження є порівняльний концептуально-світоглядний аналіз концептів біовлади і біополітики в ментальності сучасної техногенної цивілізації. Методологічна і філософська аналогія біологічної та соціальної інженерії дозволяє об'єднати їх за своєю природою і соціальними наслідками у складі одного класу – High Nume технологій. Як результат перетворення соматичної основи людської істоти та її поведінкових стереотипів на об'єкт контролю та управління величина техногенного ризику досягла екзистенційного (еволюційного) рівня. Феноменологічним виразом цього стає стрімко зростаючий статус біовлади і біополітики у концептуальному полі сучасного політологічного знання.

Ключові слова: біовлада, біополітика, High Nume технології, еволюційний ризик.

Феномен біовлади (історія і постановка проблеми).

Концепція антропогенезу (а точніше – еволюції стабільної еволюційної стратегії людини) має на увазі цикл дивергенції та подальшої коеволюції всіх трьох її складових – біологічної, соціокультурної й технорационалістичної [19, р. 67; 20]. Закономірності цього процесу, по-перше, не можуть бути описані тільки в термінах одного з членів коеволюційної бінарної опозиції (гени/культура, культура/технологія, влада/технологія, влада/гени і т. ін.); по-друге, не можуть суперечити закономірностям розвитку

кожного з членів коеволюційної зв'язки; по-третє, повинні забезпечувати екзистенцію коеволюційного адаптивного комплексу протягом невизначено довгого часу.

Отже, в рамках філософсько-світоглядного категоріально-концептуального поля політична антропологія (людська природа, тобто світ суцього в соціальній екзистенції Homo sapiens) і політична онтологія (об'єктивна реальність в її ставленні до соціальної екзистенції Homo sapiens) виявляються пов'язаними в єдину тріаду за допомогою епістемології, оскільки остання в еволюції забезпечує відповідність соціополітичної реальності і власне «людської сутності» [5, с. 158].

Одним із наслідків стає судження про взаємну доповнюваність онтологічної і антропологічної пояснювальних моделей при застосуванні до соціополітичної реальності. Система цінностей і система інтересів, антропологія і онтологія соціуму, культури так само як еволюційна ефективність і еволюційна коректність перебувають в стані взаємної рефлексії-проекції, утворюючи метарівень інтерпретації феномена антропогенезу. Вищим рівнем такої інтерпретації виступає антиномія антропології й онтології соціополітичної реальності.

Основною метою цієї статті є дослідження взаємної доповнюваності антропологічної та онтологічної дисциплінарних матриць в епоху, коли обидва – соціобіологічний і соціополітичний – аспекти людського існування стали предметом технорационалістичного контролю та маніпуляції. Методологічна і філософська аналогія біологічної (управління генетичним кодом) і соціальної (управління соціокультурним і когнітивним кодами) інженерії дозволяє об'єднати їх за своєю природою і соціальним наслідком у складі одного класу – технологій High Nume (технологій керованої еволюції).

Виникла ситуація, коли величина техногенного ризику, як результат перетворення соматичної основи людської істоти та її поведінкових стереотипів на об'єкт контролю та управління, досягла екзистенційного (еволюційного) рівня. Феноменологічним виразом цього стає надзвичайно високий (і стрімко зростаючий) статус біовлади і біополітики в концептуальному полі сучасного політологічного знання. Філософсько-світоглядне дослідження антрополого-онтологічного виміру обох феноменів є безпосереднім предметом нашого дослідження, що здійснюється за допомогою порівняльного концептуально-світоглядного методу аналізу концептів біовлади і біополітики в ментальності сучасної техногенної цивілізації.

Онтологія і антропологія соціальної (політичної, владної) ієрархії в знятому вигляді містить дві суперпозиції, відносини між якими не є константами у часі, але одночасно постають як (непостійний!) семантичний код. Цими коеволюційними позиціями є протосоціальний (біологічний) субстрат versus соціополітична культура і соціополітична культура versus політологічна теорія [5, с. 157]. При цьому в першій опозиції культура виступає як суб'єкт, а в другій – як об'єкт філософської концептуалізації, а біологічний субстрат та соціополітичні науки виконують роль об'єкта. Цілісний і нелінійний характер протиставлення/синергії соціальної онтології і антропології змушує теоретичну абстракцію весь час коливатися між полюсами біологічного і